

КРЕАТИВИЗАЦИЯ ЛЕКСИКОНА РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: «СЛОВО ГОДА»

Юлия Александровна МЕЛЬНИК¹⁾, Анастасия Владимировна КИРОВА²⁾

¹⁾ ФГКВБОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации»
123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14
E-mail: uliya0783@mail.ru

²⁾ ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»
644077, Российская Федерация, г. Омск, пр-т Мира, 55-А
E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Аннотация. В современном русском языке происходит активизация процесса неологизации, связанная с популярностью Интернета. Значительный вклад в процесс изменения лексики вносят как средства массовой информации, так и обычные люди – пользователи Сети. Новые слова, появляющиеся в медиа-дискурсе, попадают в словотворческие рейтинги интернет-проекта «Слово года». Рейтинговые списки, с одной стороны, являются индикаторами социальных изменений, с другой – отражают лингвокреативный потенциал субъектов, принимающих участие в формировании данных списков. Креативная речедетельностная активность связывается с языковой игрой. Одним из главных правил такой игры является понимание условности того или иного речевого (игрового) кода как создателем слова, так и его собеседником. Проведенный анализ показывает, что наиболее часто авторами используются модели компрессивного словообразования, что свидетельствует о творческом потенциале, раскрепощенности речевого поведения и наличии лингвистического вкуса у носителя языка, стремящегося к самовыражению посредством создания нового слова. Новообразования, созданные при помощи приемов паронимической аттракции и контаминации, сохраняют смысловую связь с исходными словами, то есть включают в свое значение семантику мотивирующих слов, получая преимущество перед описательными выражениями. Таким образом, в современном словотворчестве оказываются востребованными такие способы словообразования, которые позволяют описать события общественно-политической жизни страны и личной жизни человека при помощи нового яркого слова, содержащего оценочный компонент.

Ключевые слова: неологизм; «Слово года»; лексика; языковая игра; оценочность; словотворчество; словообразование

Активизация общественно-политических, культурных, социальных процессов является мощным стимулом новаций в лексическом составе языка и неизбежно приводит к появлению новых слов и актуализации ранее существующих: одни служат для именования совершенно новых реалий, другие приобретают новое значение, третьи входят в лексический состав языка путем заимствования в силу процессов глобализации и интеграции культур. За последние десятилетия лингвисты наблюдают дестабилизацию лексического фонда русского языка, отмечая подъем словообразовательной активности в современном коммуникативном пространстве [1–7]. Как отмечает М.А. Кронгауз, «в последнее время в русском языке появилось столько новых слов, что лингвисты не успевают следить за ними и издавать словари, а обычные

люди часто просто не понимают, о чем идет речь» [4, с. 14].

Активизация процесса неологизации современного русского языка связана с появлением и распространением сети Интернет, так как значительный вклад в процесс изменения лексики вносят как средства массовой информации (СМИ), в том числе новые медиа, так и обычные люди – пользователи Сети. В языке Интернета отражаются изменения во всех сферах жизни общества. Здесь в первую очередь и появляются новые слова, образованные различными способами, некоторые из которых попадают в рейтинги словотворческого интернет-проекта «Слово года», данные которого (за 2015 и 2016 гг.) послужили материалом для нашего исследования¹.

¹ Слово года. URL: <https://www.facebook.com/groups/slovogoda> (дата обращения: 30.05.18).

Ежегодный конкурс «Слово года» проводится в России с 2007 г. вслед за подобными конкурсами, ставшими традиционными в Германии, США, Франции, Германии, Финляндии и других странах. «Слово года» в России выбирают народным голосованием в социальной сети Facebook (слово может предложить любой желающий), после чего специалисты – группа писателей, лингвистов, журналистов – определяют победителей и достойных для вхождения в итоговые рейтинги, основываясь на собственных предпочтениях, а также на способах происхождения той или иной лексемы, возможности ее дальнейшего функционирования в языке и т. д. Как отмечает О.С. Иссерс, подобные социолингвистические проекты чрезвычайно важны: «Это взгляд на языковую жизнь российского общества, ограниченную четкими календарными рамками одного года: по нескольким словам можно судить о том, какова была атмосфера того времени» [3, с. 25]. В разные годы победителями становились слова: *гламур* (2007), *кризис* (2008), *антикризисный* (2009), *жара* (2010), *полиция* (2011), *Болотная* (2012), *госдура* (2013), *крымнаш* (2014), *беженцы* (2015), *брекзит* (2016), *реновация* (2017). По мнению исследователей современного русского языка, слова в рейтинговых списках отражают специфику общественного мнения, являясь маркерами системы ценностей, индикаторами социальных изменений новейшего времени [8, с. 49]. Также рейтинги «Слова года» отражают лингвокреативный потенциал определенной группы мыслящих, активно рефлексирующих членов российского общества. Т.А. Гридина, связывающая языковую игру с креативной речедетельностной активностью языковой личности, говорит о том, что языковая игра есть особая форма лингвокреативной деятельности, отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения» [9, с. 26]. Транслируя какую-либо идею, автор стремится выразить ее как можно более ярко, емко и включается в языковую игру. При этом он осознает новизну и

необычность вновь созданного слова, но эта игра становится еще более увлекательной, когда и другой человек, собеседник, понимает и принимает правила этой языковой игры, пытается поддержать ее и вскрыть глубинные намерения автора, эту игру предложившего [10, с. 64]. Принимая правила языковой игры, создатель слова стремится найти новое значение для ранее известного слова или создать новое слово, которое поможет выразить свое отношение к явлениям внеязыковой действительности. В последние годы словотворчество и языковые игры становятся все более популярными и модными. То или иное событие, или акт мыслительной деятельности индивида воспринимается через призму индивидуального мировоззрения и становится источником словотворчества. Происходит поиск и создание нового слова, позволяющего наиболее точно выразить свою идеологическую позицию и показать личную социальную роль. Критическое осмысление социальных реалий проявляется в социально-языковом креативе и приводит к формированию лексических новообразований [3].

Таким образом, творческие способности языковой личности и его прагматические установки лежат в основе словообразовательной игры, результатом которой являются новые слова. По словам создателя проекта «Слово года» М. Эпштейна, «...начался процесс сознательного возвращения общества в родной язык, оживление вкуса к языкотворчеству, словотворчеству <...> Мы возвращаемся уже взрослыми в тот язык, которому принадлежим по факту рождения в нем, и уже сознательно участвуем в его обрядах, заново открываем смысл в тех словах, правилах и грамматических структурах, которые раньше употребляли автоматически, по привычке» [цит. по: 11]. По-другому этот процесс можно назвать «народным словотворчеством», когда слова образуются по случаю, в конкретных условиях речевой коммуникации как реакция на конкретные события, которые понятны носителям языка. К. Кнорре-Дмитриева, журналист: «Если рекламщику для самовыражения нужен заказ, то для народа поводом сочинять прекрасные слова является реальность, данная ему в ощущении. Например, запретят ввозить на территорию страны сыры и хамон, и, пожалуйста – тут же появ-

ляются «санкционка», «запрещенка», быстро и легко вошедшие в язык. На показательное уничтожение сыров перед камерой народ отозвался новым словом «сыроцид». Поскольку лучшим сувениром из заграничных поездок стал хамон или сыр, то появилась прекрасная «хамондировка» (Новая газета. 2015. 23 нояб.). *Хамондировка* (заграничная командировка с целью приобретения и поедания на месте санкционных продуктов) и *сыроцид* (уничтожение санкционного сыра) – слова, созданные при помощи приема паронимической аттракции, который становится все более востребованным в современном языкотворчестве.

Основным признаком использования данного приема является замена в сознании говорящих первичной мотивации, которая ложится в основу образования слова, представлением о мотивационной связи слова со словом, не связанным с рассматриваемым словообразовательными отношениями, или со словом другого этимологического гнезда. Изменение мотивации может сопровождаться изменением значения слова и его структуры. Как отмечает О.С. Иссерс, «подобные оценочные новообразования, построенные на основе сходства в звучании отдельных компонентов двух «сближаемых» слов, очень характерны для социальной критики: они высвечивают наиболее острые проблемы общественной жизни» [2, с. 11]. При помощи приема паронимической аттракции были образованы слова *соцсед*, *соцседка* – «приятель, сосед по социальной сети» или «тот, кто постоянно сидит в социальной сети», *лайчуций* – «жаждущий лайков» (пароним к алчущие), *нипричемыши* – «скучные, тихие люди, находящиеся вдали от любых общественных волнений, то есть, кто вечно ни при чем», *зловцо* – «злое словцо», *божемяка* – очень усердно верующий, тот, кто хочет быть героем-змееборцем, как Никита Кожемяка. Также прием паронимической аттракции лежит в основе политического неологизма 2016 г. с ярко выраженной эмоционально-оценочной составляющей *моченосцы*. Выборы президента США, в которых победил Д. Трамп, стали отправной точкой для появления большого количества новых слов, образованных от фамилии нового главы государства, некоторые из которых были соз-

даны при помощи рассматриваемого нами приема: *трампункт* («Белый дом»), *трампномика*, *трамплантация*, *трампотрясение*. Также в списке «слов года» оказались такие неологизмы, как *трампизм*, *трампист*, *антитрамповский*, *трампанутый*, *трампофилы*, *трампировать*, созданные узуальными способами – аффиксацией и сложением, а также путем семантического переосмысления: *ТРАМПлин*, *трам-пам-пам*. Неологизм *трампизм*, с одной стороны, стал использоваться в значении «индивидуально-авторское слово Трампа», с другой – как обозначение нового вектора развития американской политики.

В связи с высоким темпом современной жизни поддерживается и усиливается закон экономии речевых усилий, что проявляется в активном использовании моделей компрессивного способа словообразования, когда новые слова создаются на базе словосочетаний и предложений. Произведенные таким образом слова никогда полностью не утрачивают смысловую связь с исходными словами, то есть включают в свое значение семантику мотивирующих слов. Модели компрессивного словообразования включают в себя контаминацию, которая наиболее часто встречается в построении современных новообразований. Н.Д. Цыганова отмечает, что контаминация является «ведущим способом словотворчества участников специальных интернет-сайтов» [12, с. 16]. Контаминанты имеют метафорический оттенок значения, характеризуются стилистической маркированностью, игровой природой и низким уровнем узуализации, воспринимаются в контексте, при этом большинство из них являются телескопическими, то есть конец одного слова накладывается на начало другого, таким образом, рождается языковая игра. По данной модели образованы, например, такие слова из исследуемых списков: *плебсикон* – «словарный запас человека с низкой речевой культурой», *лайкдорфин* – гормон «фейсбучного» счастья, вырабатывающийся при большом количестве лайков под постом, *советошь* – «нечто ветхое, оставшееся еще с советских времен», *пересидент* – «слишком долгое время, с превышением сроков, исполняющий свои обязанности президент», *обсиричься* – контаминация жаргонизма «обсе-

риться» (в значении «опозориться») и топонима Сирия. Окказионализм *кадыринг* можно рассматривать как формально-семантическую контаминацию фамилии Р.А. Кадыров и слова митинг (как название прошедшего в Чечне митинга в поддержку главы республики). Это мероприятие получило различную оценку в сети Интернет, в том числе неодобрительную. Можно предположить, что данное слово было создано по примеру используемого оппозиционно настроенными гражданами (с 2008 г.) неологизма *путинг* (митинг в поддержку главы Российской Федерации). Это значение существовало и существует исключительно в контексте конкретных событий с целью их пропагандистской интерпретации, характерной для определенных политических сил. Отметим, что особую популярность данная модель (в несколько ином значении) приобрела в политическом дискурсе некоторое время назад. Тогда оказался актуализированным дискредитирующий потенциал модели: например, *мизулинг*, *пехтинг*. В данном контексте сформировалось новое словообразовательное значение – это социальное явление, поведение, чаще всего негативно оцениваемое, типичное, как правило, для какого-либо известного человека, названного по фамилии. Как отмечает Е.А. Земская, для языков характерно использование в качестве базовых основ имен лиц собственных, что обусловлено усилением личностного начала [13, с. 99].

Исследователи отмечают, что в российских рейтингах «Слово года», в отличие от зарубежных, фиксируется как политически маркированная лексика, так и неполитизированная, но большинство слов имеют яркую общественно-политическую окраску (также об этом: [14]). Исключения составляют немногочисленные лексические вкрапления, касающиеся темы личной жизни человека, в том числе в сети Интернет, а также оценочные единицы, описывающие новые бытовые явления или развлечения. В списки 2015–2016 гг. вошли такие слова, как *лабутены* (название дорожных туфель известного бренда, стали широко известны после выхода ставшей популярной песни группы «Ленинград» под названием «На лабутенах», породившей огромное количество шуток и пародий) и *Карл*, ставшее мемом. Шутка с обращением к

Карлу стала настолько популярной, что об этом писали в СМИ: «В Интернете распространился мем «Карл»: редкий пост обходится без фразы типа «Сегодня на завтрак мы ели кашу. Кашу, Карл!» (Московский комсомолец. 2015. 28 мая). Мем появился после выхода сериала «Ходячие мертвецы». В одной из серий третьего сезона главный герой общается со своим сыном Карлом, который молчит и никак не реагирует на слова отца. Так, Рик, отец, понимает, что его супруга умерла, начинает рыдать и падает на землю. Многие пользователи Интернета сочли, что шаблон мема, когда отец что-то объясняет, пока сын молчит, после чего драматически повторяет последнюю фразу, добавляя «Карл!», является очень юмористическим. Наиболее широкое распространение мем получил весной 2015 г.: «Известна вариация, где сын жалуется на что-либо отцу, а Рик Граймс отвечает: дескать, в наше время было еще хуже, еще хуже, Карл. Например:

– Пап, мой телефон уже устарел. Я хочу айфон.

– Карл, когда я был в твоём возрасте, мы брали два пластиковых стаканчика, протягивали между ними нитку, шли в разные комнаты и говорили через них. Через пластиковые стаканы, Карл!» (Московский комсомолец. 2015. 28 мая). Итак, вследствие сетевых трансформаций визуальная составляющая исчезла, осталась только фраза «<...>, Карл!», эмоционально прибавляемая к финалу любого высказывания, для акцентирования внимания на очевидных вещах.

Некоторые слова, вошедшие в рейтинговые списки, отмечены единичным употреблением в интернет-дискурсе. В основном, это индивидуально-авторские неологизмы. Другие, напротив, часто встречаются на страницах газет, в телепередачах, в блогах. Это приводит к тому, что носители языка начинают терять ощущение новизны слова и используют его в реальной жизни и при общении в социальных сетях. Именно закрепление слова в общем употреблении и вхождение в лексическую систему языка, в разряд общеупотребительной лексики, а также активное включение его в процессы языковой коммуникации является важным признаком востребованности неологизма, маркером его актуальности для носителей языка. Так, сло-

во из топа рейтингов 2015 г. – *селфи* – прочно вошло в повседневный обиход. На его основе создаются такие новые слова, как *анти-селфи*, *селфиться*, *селфетишизм*, *селфилитики*, *селфи-палка*, *селфи-пати*, появляется калька *себяшка*. Дополнительным объективным свидетельством повышения популярности слова, которое оказывается «у всех на слуху», становится появление его в метаязыковых высказываниях говорящих. Языковой рефлексии по поводу нового слова подвержены не только рядовые носители языка, журналисты, но и политики. Так, политик В.В. Жириновский призвал молодежь отказаться от употребления иноязычного слова, заменив его на русское *себяшки*, на что СМИ тут же отреагировали подобными заголовками: «Сделать «себяшку»: Жириновский предложил отказаться от слова «селфи» (ntv.ru, 24.07.2015).

Итак, те или иные изменения в жизни современного общества мгновенно инициируют появление новых слов, в первую очередь, в интернет-дискурсе, что вызывает активизацию процесса неологизации современного русского языка. Отмечено, что большой вклад в процесс изменения и пополнения лексического состава языка вносят участники медиа-дискурса: журналисты, блогеры, люди с активной гражданской позицией, творческая интеллигенция и другие пользователи. Анализ новейшего материала рейтинговых списков проекта «Слово года» позволяет провести лингвистическую диагностику динамики общественных процессов на определенном этапе сквозь фокус сознания некоторой группы креативно мыслящих субъектов. Выявлено, что их основное внимание сосредоточено на внутренних экономических и политических проблемах, некоторые слова возникают в контексте конкретных событий, лингвистически интерпретируемых в выгодном для создателя (или создателей) слова свете. Источником словотворчества, стимулом для начала лингвокреативной деятельности может стать как какое-либо событие социальной, общественно-политической жизни страны, современные реалии, так и акт мыслительной деятельности человека, воспринятый через призму индивидуального мировоззрения. Проведенный анализ показывает, что для создания новых

слов, в первую очередь – авторских неологизмов, – наиболее часто используются модели компрессивного словообразования, что говорит о творческом потенциале, свободе речевого поведения и наличии лингвистического вкуса у носителей языка, стремящихся к самовыражению посредством создания нового слова. Прием паронимической игры с внутренней формой слова отражает современную действительность, высвечивая темы, являющиеся наиболее интересными для создателя слова, касается актуальных сторон общественной жизни. В это же время словообразовательная модель контаминации обладает сильным воздействующим потенциалом, а контаминанты позволяют автору нового слова более полно, точно, ярко, оригинально выразить свою мысль или чувство, видение, понимание явления действительности и дать ему оценку.

Список литературы

1. Венрева И.Т., Купина Н.А. Очередь на Серова: феномен русскости // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 2. С. 95-108.
2. Иссерс О.С. Дискурсивные игры «Болотного периода» // *Русистика*: сб. науч. тр. Киев, 2013. Вып. 13. С. 10-13.
3. Иссерс О.С. От серьезного – до смешного: игровой потенциал русского слова года // *Политическая лингвистика*. 2015. № 4 (54). С. 25-31.
4. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Астрель, 2011. 480 с.
5. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2017. № 1. С. 1-12.
6. Мустайоки А., Вальтер Х., Венрева И. Феномен актуального слова 2015 года // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 4. С. 121-133.
7. Чернейко Л.О. Проблема дискурса в свете концепции внутренней формы слова, языка, речи // *Текст: структура и семантика: материалы Междунар. конф. М., 2005*. С. 154-166.
8. Иссерс О.С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // *Политическая лингвистика*. 2014. № 4 (50). С. 48-53.
9. Гридина Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность // *Язык. Система. Лич-*

- ность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002. С. 26-27.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
11. Архангельский А.А. Язык политизируется там, где отсутствует политика // Огонек. 2012. № 51. С. 20.
12. Цыганова Н.Д. Полиаспектное описание не-лексем (по материалам словотворческих интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 22 с.
13. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90-141.
14. Цонева Л. Слово года «крымнаш» в русском медиадискурсе // Studia Russico Slovaca: Universitas Catholica Rosenbergensis. Ružomberok, 2015. P. 30-38.

Поступила в редакцию 17.08.2018 г.
Отрецензирована 25.09.2018 г.
Принята в печать 24.10.2018 г.
Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Мельник Юлия Александровна, преподаватель кафедры русского языка. Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: uliya0783@mail.ru

Кирова Анастасия Владимировна, аспирант, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, преподаватель кафедры иностранных языков. Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Для корреспонденции: Кирова А.В., e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Для цитирования

Мельник Ю.А., Кирова А.В. Креативизация лексикона русского языка новейшего времени: «Слово года» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 16. С. 46-53. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53.

DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53

CREATIVITY IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE VOCABULARY: “WORD OF THE YEAR”

Uliya Aleksandrovna MELNIK¹⁾, Anastasia Vladimirovna KIROVA²⁾

¹⁾ Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russian Federation
E-mail: uliya0783@mail.ru

²⁾ Dostoevsky Omsk State University
55-A Mira Ave., Omsk 644077, Russian Federation
E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

Abstract. The neologization with the popularity of the Internet occurs actively in the contemporary Russian language. Not only mass media but also common people, Internet users contribute significantly. New words from the media discourse get into word creating rates of Internet project “Word of the Year”. On the one hand, ranked lists are the indicators of social changes, on the other hand, they reflect linguocreative potential of people, who participate in lists formation. Creative speech activity relates to language game. One of the main rules of such a game is the understanding of conditions of a certain speech (game) code both by a creator of a word and by an interlocutor. Conducted analysis shows that authors mostly use the model of compressive word creation and it proves high creative potential, freedom of speech behavior and linguistic sense of native speakers, who strive to the self-expression with word creation. New formations created by methods of paronymic attraction and blend words save semantic links with original words. So they

have semantic of motivating words in their meaning and have advantage over descriptive constructions. Thus, methods of word creation, which allow describing social and political events of a country or a personal life with a new bright word with evaluative element in it, are popular in the contemporary word creative activity.

Keywords: neologism; “Word of the Year”; vocabulary; language game; valuativity; word creation; word formation

References

1. Vepreva I.T., Kupina N.A. Ochered na Serova: fenomen russkosti [The queue for Serov: the phenomenon of Russian-ness]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 2, pp. 95-108. (In Russian).
2. Issers O.S. Diskursivnye igry «Bolotnogo perioda» [Discursive game of “Bolotnyy period”]. *Rusistika* [Russian Studies]. Kiev, 2013, no. 13, pp. 10-13. (In Russian).
3. Issers O.S. Ot seryoznogo – do smeshnogo: igrovoj potencial rossijskogo slova goda [From serious stuff – to funny things: language pun potential of the Russian “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2015, no. 4, pp. 25-31. (In Russian).
4. Krongauz M.A. *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [Russian Language on the Verge of Nervous Breakdown]. Moscow, Astrel Publ., 2011, 480 p. (In Russian).
5. Makarova E.M., Ratsibyrskaya L.V., Issers O.S., Melnik Y.A., Zaytseva I.P., Sipko Y., Radchenko M.V. Rol’ SMI v demokratizatsii i kreativizatsii sovremennogo russkogo yazyka (krugliy stol) [The role of mass media in the democratization and creativitization of the modern Russian language (round table)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow State Regional University*, 2017, no. 1, pp. 1-12. (In Russian).
6. Mustayoki A., Valter H., Vepreva I. Fenomen aktualnogo slova 2015 goda [Word of the year 2015]. *Quaestio Rossica*, 2016, vol. 4, no. 4, pp. 121-133. (In Russian).
7. Cherneyko L.O. Problema diskursa v svete kontseptsii vnutrenney formy slova, yazyka, rechi [Problem of discourse in the light of the concept of inner shape of a word, language, speech]. *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Tekst: struktura i semantika»* [Proceedings of International Conference “Text: Structure and Semantics”]. Moscow, 2005, pp. 154-166. (In Russian).
8. Issers O.S. V poiskakh obshego slovarya: diskursivnye praktiki novejshego vremeni tcherez prizmy proektov «Slovo goda» [In the search of common vocabulary: contemporary discursive practices through the prism of projects “Word of the year”]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*, 2014, no. 4 (50), pp. 48-54. (In Russian).
9. Gridina T.A. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost' [Language game as a linguo creative activity]. *Yazyk. Sistema. Lichnost. Yazykovaya igra kak lingvokreativnaya deyatel'nost. Formirovanie yazykovoy lichnosti v ontogeneze* [Language. System. Personality. Language Game as a Linguocreative Activity. Formation of Linguistic Persona in Ontogeny]. Ekaterinburg, 2002, pp. 26-27. (In Russian).
10. Sannikov V.Z. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry* [Russian Language in the Mirror of Language Game]. Moscow, Yazyky slavyanskoy kultury Publ., 2002, 552 p. (In Russian).
11. Arkhangelsky A.A. Yazyk politiziruetsya tam, gde otsutstvuet politika [Language politicizes there, where politics is absent]. *Ogonek* [Light], 2012, no. 51, p. 20. (In Russian).
12. Tsyganova N.D. *Poliaspektnoe opisanie neoleksem (po materialam slovotvorcheskikh internet-saytov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Polyaspect Description of Neo-Lexical Units (Based on the Materials of Word Creative Internet Web-Sites. Cand. philol. sci. diss.]. Abakan, 2015, 22 p. (In Russian).
13. Zemskaya E.A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes of modern word creation]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yazyky russkoy kultury Publ., 1996, pp. 90-141. (In Russian).
14. Tsoneva L. Slovo goda «krymnash» v russkom mediadiskurse [Word of the Year “Crimea is our” in Russian media discourse]. *Studia Russico Slovaca Universitas Catholica Rosenbergensis*. Ružomberok, 2015, pp. 30-38. (In Russian).

Received 17 August 2018

Reviewed 25 September 2018

Accepted for press 24 October 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Melnik Uliia Aleksandrovna, Lector of Russian Language Department. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation. E-mail: uliya0783@mail.ru

Kirova Anastasia Vladimirovna, Post-Graduate Student, General and Applied Linguistics Department, Lecturer of Foreign Languages Department. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation. E-mail: anastasia.kirova@gmail.com

For correspondence: Kirova A.V., e-mail: anastasia.kirova@gmail.com

For citation

Melnik Y.A., Kirova A.V. Kreativizatsiya leksikona russkogo yazyka noveyshego vremeni: «Slovo goda» [Creativity in the contemporary Russian language vocabulary: “Word of the Year”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 16, pp. 46-53. DOI 10.20310/2587-6953-2018-4-16-46-53. (In Russian, Abstr. in Engl.).